

Л. П. РЕПИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ и РЕВОЛЮЦИИ XVI-XVII вв. в СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Новая и новейшая история. 1990. № 3.

Веб-публикация: Марианна Петрович и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Проблематика истории классовой борьбы и социальных революций XVI-XVII вв. традиционно является сферой острых дискуссий в мировой исторической науке и предметом особого внимания советских историков, которыми немало сделано как в плане конкретных исторических исследований, так и в разработке методики сравнительно-исторического изучения раннебуржуазных революций и типологии крестьянских движений¹.

В теоретико-методологических работах советских историков была охарактеризована и ситуация, сложившаяся в результате изучения этих проблем в немарксистской историографии в 60-х-начале 70-х годов². Однако, как нам представляется, современная немарксистская историография социальных движений и революций XVI-XVII вв. заслуживает более обстоятельного специального анализа. Конечно, такая масштабная задача не может быть выполнена в небольшой статье. В ней ставится более ограниченная цель: выявить состояние сравнительно-исторического изучения социальных движений и революций XVI-XVII вв., проводимого в рамках компаративной историографии, получившей в ряде западных стран статус самостоятельной исторической дисциплины и занявшей место в структуре современной исторической науки. Такой выбор поля исследования объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, поскольку сравнительно-исторический анализ непременно покоится на фундаменте конкретно-исторических исследований, проведенных на локальном и национальном уровне, в компаративной историографии как в фокусе отражаются основные характеристики состояния страноведческих исследований. Во-вторых, в компаративной историографии, требующей определенного уровня научной абстракции и генерализации, наиболее отчетливо проявляются теоретические и методологические принципы противоборствующих историографических направлений.

Хотя сравнительно-исторический метод издавна применялся в исторических исследованиях, являясь одним из основных методов традиционной историографии, - выделение на его основе особой отрасли исторического знания было самым непосредственным образом связано со становлением так называемой новой исторической науки и проявилось не столько в небывалом количественном росте сравнительно-исторических исследований, сколько в резком расширении сферы их распространения и обновлении их теоретической базы. Развитие компаративной историографии получило сильные импульсы как в результате действия общей тенденции социологизации исторической науки, выразившейся в заимствовании историками теорий и методов социального анализа, разработанных различными школами немарксистской (в первую очередь - американской) социологии, так и в процессе многолетней оживленной дискуссии о "кризисе XVII в."³ В итоге в 60-80-е годы в немарксистской историографии были выдвинуты новые интерпретации и модели социально-политических конфликтов в Европе XVI-XVII вв. Они нашли свое выражение в работах Х.Кенигсбергера, Х.Тревор-Ропера, Дж.Эллиотта, Р.Форстера и Дж.Грина, А.Л.Мута, Т.Рабба, И.-М.Берсе, П.Загорина, Э.Барнави и др.

Мы рассмотрим лишь самые интересные, оригинальные концепции, наиболее ярко представляющие различные методологические подходы и идейно-политические ориентации в русле современной немарксистской историографии.

Крупнейшим представителем традиционного направления в компаративной историографии является английский историк Х.Кенигсбергер. В его многочисленных книгах, статьях, рецензиях, написанных за последние 30 лет, нашли свое отражение не только его собственная интерпретация революционных кризисов XVI-XVII вв., но и в той или иной мере все перипетии дискуссий о методах и моделях, применяемых в компаративной историографии ранних революций, и с "кризисе XVII в. В статьях 50-60-х годов Х.Кенигсбергер сформулировал и развил концепцию религиозных конфликтов эпохи Реформации, определяющую их как революционные движения различных социальных слоев, имевших противоречивые экономические интересы, но связанных общей религией, которая на какое-то время обеспечивала им относительное организационное и идейное единство. Неразрывное переплетение социальных и религиозных мотивов Кенигсбергер считал вполне естественным при абсолютном господстве религиозной формы сознания, когда все вопросы социального и политического характера осмысливались в религиозных терминах.

В опубликованной впервые в 1965 г. статье "Реформация и социальная революция" Х.Кенигсбергер заявил: **"Начиная с великих крестьянских восстаний XIV в. социальная революция стала неотъемлемой частью европейской жизни"**⁴. При этом под "революцией" он понимал **такие народные движения, которые благодаря широкому распространению революционного учения превращались из локальных в национальные и даже межнациональные, как, например, гуситские войны в Центральной Европе в первой половине XV в. Если возникновение революционных движений XVI в. он видел в соединении религиозно-политической оппозиции верхних социальных групп с народными волнениями, то их поражение он представлял как следствие распада этого временного союза, разложения революционных партий, как неизбежный результат самого движения. Степень революционности того или иного движения определялась широтой социально-религиозной программы и тем, сколько различных общественных групп было им охвачено.** Движениям второй половины XVI в. во Франции, Нидерландах, Шотландии Кенигсбергер приписывает более высокую степень революционности и организованности по сравнению с народной реформацией в Германии на основании того, что эгалитарная программа Мюнцера и анабаптистов способствовала изоляции крестьян и ремесленников от потенциальных союзников и лидеров в лице представителей верхних слоев общества, в то время как относительно респектабельный кальвинизм поздних реформационных движений обеспечивал образование широких хорошо организованных "революционных партий". Именно поэтому, утверждает Кенигсбергер, последние и смогли осуществить "политические и религиозные революции", хотя и они оставили в неприкосновенности социальную структуру 9 этих стран⁵.

В предисловии к изданию сборника своих статей в 1971 г. Х.Кенигсбергер уже в свете развернувшихся в 60-е годы дискуссий по социально-политическим конфликтам XVI-XVII вв. выступил против обвинения представителей социально-политических движений того периода в консерватизме и даже реакционности, подчеркнув, что провозглашение в качестве цели движения возвращения к старым порядкам, измененным существующими властями, было психологически важно, поскольку придавало видимость законности самым далеко идущим требованиям, но по сути их действия были подлинно революционными, так как они цели к установлению "нового государственного и общественного строя". Поэтому Х.Кенигсбергер считал, что независимо от того, как осознавались цели выступления их участниками, историк вправе те, что приводили хотя бы к временному успеху в ниспровержении существующего политического режима и значительно изменяли структуру государства, характеризовать как революции, а те выступления, которым это не удавалось, - как революционные движения⁶.

Предложенная Х.Кенигсбергером концепция революционных движений XVI в. стоит особняком в современной немарксистской историографии, рассматривающей Реформацию как революцию только в религиозной жизни Европы, не связывающей ее с изменениями в социальной и политической сферах⁷. Что же касается его понимания некоторых движений и восстаний XVII в. как политических революций, то оно сделалось практически общепринятым. Многие идеи, впервые высказанные Кенигсбергером, стали своеобразным "общим фондом" марксистской историографии ранних революций, они широко и, как правило, анонимно используются, в том числе и теми авторами, кто упрекает Кенигсбергера в описательности, эмпиризме и других смертных грехах.

Начало интенсивному сравнительно-историческому изучению социально-политических конфликтов XVII в.⁸ было положено статьей английского историка Х.Тревор-Ропера, опубликованной в рамках развернувшейся дискуссии о всеобщем кризисе XVII в.⁹ В отличие от Р.Мунье, видевшего этот кризис главным образом в интеллектуальной сфере¹⁰, и от Э.Хобсбаума, понимавшего его как трансформационный¹¹, Тревор-Ропер предложил его интерпретацию как кризиса прежде всего политического, как "всеобщей революции". Тревор-Ропер объединил Английскую революцию, французскую Фронду, так называемую дворцовую, или бескровную, революцию 1650 г. в Нидерландах, восстания 1640 г. в Каталонии, Португалии и Андалузии, восстание Мазаньелло в Неаполе 1647 г. Оговорив, что и в XVI в. были революции - "религиозные революции Информации и Контрреформации", Тревор-Ропер отмечал, что "они не привели к такому решающему разрыву в нити исторической преемственности", какой произошел в результате революций середины XVII в. Последние были, по его мнению, политическими революциями в форме борьбы за власть между двумя традиционными институтами "смешанной монархии" - короной и сословиями. **Причину "всеобщей революции" XVII в. он видел в кризисе отношений между обществом и государством, возникшем вследствие непомерного роста расходов на содержание постоянно расширявшегося бюрократического аппарата и усиления централизации, а также в усилении вызванной этими обстоятельствами напряженности между "двором и страной".** Революционная ситуация, возникшая в 20-30-е годы в результате целого ряда политических событий, привела к революции. Специфика развития революционной ситуации в той или иной стране определяется конкретными политическими реформами, направленными на сокращение церковных и государственных sinecur или на возврат к протекционистской политике средневековых городов и позволявшими укрепить существующий режим в преддверии приближавшейся революции. Как крайние случаи рассматриваются ситуации в Северных Нидерландах, где в результате революции XVI в. были осуществлены все упомянутые преобразования, и в Испании, где ни те, ни другие реформы не были проведены. Средняя позиция отводится Франции, где продуманная экономическая политика обеспечила усиление Старого порядка. Особое положение занимает в этой модели Англия, где только упорное нежелание Карла I реформировать свой двор и сократить расходы на бюрократический аппарат привело к революции, которой вполне могло и не быть. Концепция Тревор-Ропера была направлена против марксистской теории буржуазной революции в целом, и в частности против сложившейся в то время в британской историографии марксистской интерпретации Английской революции середины XVII в.

Политическая интерпретация "кризиса XVII в." и концепция "всеобщей революции" середины XVII в., выдвинутая Тревор-Ропером, вызвала много критических замечаний, но она дала стимул для новых локально-исторических исследований и оказала влияние на дальнейшую разработку интересующей нас проблематики в сравнительно-историческом контексте. Многие историки выразили свое согласие с Тревор-Ропером в том, что "универсальность" революций XVII в. свидетельствовала о серьезных структурных слабостях европейских монархий и о складывании революционной ситуации в странах Западной Европы¹².

Во второй половине 60-х годов процессы, определявшие магистральное направление развития немарксистской историографии в целом, привели к обновлению концептуального и методологического арсеналов сравнительно-исторических исследований. В это время формирование междисциплинарных подходов происходило главным образом на базе структурно-функциональной социологии. Большое влияние на становление "новой" компаративной историографии оказали теории американских социологов, прежде всего К.Бринтона и Ч.Джонсона, рассматривавших революцию как одну из форм социальных изменений¹³. Пионером в проведении этого подхода при изучении революций начала нового времени был Л.Стоун, выступивший со специальной статьей, посвященной анализу различных социологических теорий революции, и разработавший впоследствии на междисциплинарной основе концепцию Английской революции середины XVII в.¹⁴

Это изменение в историографии на рубеже 60-70-х годов влечет за собой значительные перемены как в формулировании центральных вопросов дискуссии, так и в расстановке противоборствующих сил. На первый план выдвигаются темы типологии восстаний и революций XVI-XVII вв., ведется полемика вокруг содержания понятия "революция", активно обсуждается вопрос о возможности построения общей модели революции и об адекватности социологических моделей и концепций задачам и методологии исторических исследований¹⁵. Вместе с тем, в связи с постепенным отходом от господствовавших в 50-60-е экономических моделей общественного развития, учитывающих прерывность исторического процесса, происходит возврат к идее континуитета, делается упор на ограниченный характер социальных изменений вообще и в начале нового времени в частности.

Обратившись к сравнительному изучению двух групп "синхронных восстаний" в европейских странах в 60-е годы XVI в. и в 40-е годы XVII в., английский историк Дж.Эллиотт, в отличие от Кенигсбергера и Тревор-Ропера, уже не рассматривает их как резкий разрыв с предшествующей эпохой. Наоборот, в самом названии статьи подчеркивается сохранение преемственности, непрерывности исторического развития в изучаемую им эпоху¹⁶. Поставив вопрос о содержании общего понятия "революция" и его применимости к истории Европы XVI-XVIII вв., Эллиотт приходит к выводу о том, что при изучении массовых движений и восстаний XVI-XVII вв. нельзя оперировать понятием "социальная революция", сложившегося под влиянием "образа" революций конца XVIII-XIX вв., поскольку оно подразумевает неременное наличие таких составных элементов (например, классового конфликта, революционных организаций и идеологий), которые, по его мнению, не соответствуют историческим реалиям XVI-XVII вв. С точки зрения Эллиота, действительно революционной в середине XVII в. была абсолютистская политика государства, неизбежно сталкивавшаяся с консервативной реакцией общества¹⁷.

Эллиотт считает анахронизмом проводить какие-либо параллели между обществом с сословно-корпоративной структурой, связанным вертикальными узами ста и патроната, и обществом, разделенным на классы; идеалы первого устремлены в прошлое, а во втором доминирует идея прогресса. Здесь явственно слышатся отзвуки популярной в политологии концепции революции, согласно которой революционный характер того или иного движения определяется направлением революционной идеологии, основанной на представлении о прогрессивной направленности исторических изменений, сформировавшемся лишь в эпоху Просвещения¹⁸. Не признавая социальной обусловленности массовых движений XVI-XVII вв., Эллиотт сводит их к чисто политическим конфликтам, к борьбе за власть. Взяв за основу построенную на противостоянии центральной власти и социальных корпораций модель политической революции Тревор-Ропера, он дополняет ее побудительными мотивами массовых движений - народным национализмом, придававшим последним освободительный характер, и "корпоративным конституционализмом", присущим верхним слоям общества (аристократии, джентри, городскому патрициату, духовенству, юристам и т.п.)

и выразившимся несложном идеализированном представлении об общине или корпорации как реально существующем организме, наделенном специфическими обязательствами, правами, привилегиями. Инстинкт правящих классов, направленный на сохранение его исторического наследия - идеализированной общности локального, регионального или национального масштаба, - перевешивал, по мнению Эллиотта, любые другие мотивы, включая религиозные, особенно в тех случаях, когда угроза исходила от иноземных правителей или их чиновников.

Но, подойдя вплотную к проблеме взаимодействия движений протеста со стороны правящих классов с движениями народных масс, вызванными религиозными, фискальными или социальными притеснениями, Эллиотт отказался от построения какой-либо модели на этой основе.

Он создал целый ряд моделей взаимодействия оппозиции в господствующих социальных и профессиональных группах с массовыми народными движениями:

1) в Нидерландах в 1560 г. аристократическое и религиозно-патриотическое движения возникли одновременно, но первое не получило развития, напуганное мощным народным выступлением 1566 г.;

2) в Каталонии народное восстание заставило движение сверху взять инициативу в свои руки;

3) в Англии 40-х годов только в результате политической инициативы правящих классов началось демократическое движение;

4) в Неаполе в 1647 г. народное движение не нашло отклика в господствующих классах и было таким образом обречено на провал.

Серьезные различия в этих моделях обусловлены, как считает Эллиотт, балансом между отчуждением правящих классов от центральной власти и их страхом перед угрозой социальных беспорядков. Однако никакой методики определения конкретного выражения этого баланса Эллиотт не предлагает, он лишь оперирует отдельными примерами, демонстрируя один из излюбленных приемов описательной историографии. Роль народных движений им подчеркнуто принижается, опора на поддержку извне рассматривается как неотъемлемый элемент всех сколько-нибудь продолжительных восстаний. Те изменения в жизни Европы XVI-XVII вв., которые все же имели место в рамках традиционных государственных структур, были реализованы, по мнению Эллиотта, только благодаря движениям протеста правящих классов.

В отличие от Эллиотта, американские историки Р.Форстер и Дж.Грин, представляющие "новую историческую науку", попытались создать типологию политических и социальных движений XVI-XVII вв., основываясь на подробном анализе их предпосылок, проведенном специально для этой цели крупнейшими специалистами (Л.Стоуном, Я.Смитом, Р.Мунье и др.)¹⁹. Выбрав одну из социологических концепций политической революции, они на ее базе дали свое, **очень широкое определение революции, включающее любое насильственное изменение (и даже только попытку такого изменения) в распределении политической власти**²⁰.

Форстер и Грин выделили **пять основных категорий революционных движений, различающихся по их предпосылкам, и расположили их в нисходящем порядке следующим образом:**

1) "великая национальная революция" (в Нидерландах во второй половине XVI в. и в Англии в середине XVII в.);

2) "национальное восстание с революционным потенциалом" (Фронда и Каталонское восстание);

3) "крупномасштабное региональное восстание с ограниченным революционным потенциалом" (другого примера, кроме Пугачевского восстания, не нашлось);

5) "городская жакерия" (восстания на Сицилии и в Неаполе в середине XVII в.).

Объединив первые два типа в весьма расплывчатую категорию **"действительных и потенциальных революций"**, Форстер и Грин перечисляют следующие их **общие предпосылки: антагонизмы между социальными группами, в том числе и внутри элиты, слабые места в политической структуре, наступательные действия центральной власти, общее недовольство режимом, участие в движении элиты, наличие альтернативной идеологии и политического института, способных объединить всех недовольных и организовать оппозицию.** Подчеркивается, что общие предпосылки присутствуют в каждом случае в различном соотношении, что и определяет, наряду с некоторыми дополнительными моментами, специфический облик отдельного движения. Движения, входящие в категорию "городских жакерии", выделяются тем, что они были направлены не против центрального правительства, а против местных правящих социальных групп и не имели поддержки внутри элиты.

Типология, предложенная Форстером и Грином, имела в своей основе серьезные логические и методологические просчеты и справедливо подверглась острой критике со стороны представителей различных историографических направлений²¹. Изначальной и главной ошибкой был, конечно, произвольный отбор номенклатуры восстаний без учета особенностей социально-экономического развития той или иной страны и специфики ее социальной структуры. Можно обвинить авторов и в отсутствии продуманной стратегии исследования. Это выразилось, в частности, в том, что не было проверено наличие отмеченных ими предпосылок в странах, не знавших крупных восстаний или так называемых потенциальных революций в этот период, а ведь такой контрольный прием позволил бы более уверенно отделить необходимые предпосылки от достаточных. Как и в типологии социолога Ч.Джонсона, связь с которой видна, как говорится, невооруженным глазом, критерии выделения типов у Форстера-Грина и принципиальные различия в предпосылках революций и восстаний остаются неясными.

Такие различия попытался провести американский историк А.Л.Мут. В результате критического анализа и обобщения некоторых результатов сравнительно-исторических исследований, полученных к началу 70-х годов, он пришел к выводу о том, что дальнейшая разработка проблемы предпосылок революций и восстаний XVI-XVIII вв. требует комплексного анализа всех факторов - экономического, социального, политического, интеллектуального, психологического. Необходимыми предпосылками крупных восстаний, цель которых - изменение состава и политики правительства, либо восстановление местных или групповых привилегий, Мут считал лишь часть из отмеченных Форстером и Грином: дискредитацию существующего режима; отчуждение от него отдельных групп внутри правящей элиты; наличие экономических и политических условий, угрожающих их положению, «также средств выражения протеста. Восстание начинается при появлении наряду с этими необходимыми условиями краткосрочных побудительных мотивов. Но для превращения восстания в революцию, преобразующую государственную или общественную структуры, нужны дополнительные предпосылки. Политические революции, по мнению Мута, стали возможными в Англии и Нидерландах, так как существовавшие там режимы были в большей или меньшей степени лишены жизнеспособности: в Англии это проявлялось практически во всех сферах государственной деятельности, в Нидерландах - по меньшей мере в двух направлениях: в непопулярности государственной церкви и неспособности Габсбургов создать эффективные органы центральной власти для всей страны.

Другой необходимой предпосылкой революции является внутренняя трансформация социально-политической элиты и ее разделение на новую и старую. А.Л.Мут в целом принимает модель революционизации новой элиты, выдвинутую социальными психологами: экономическое процветание и рост могущества новой элиты вменяются спадом, страхом потерять свои приобретения и, наконец, чувством разочарования и безысходности перед лицом соперничества старой элиты и почти разрешимых политических проблем.

Однако Мут считает, что революционному взрыву в психологии необходимо предшествует полный переворот в представлениях об обществе, формирование подлинно революционной идеологии. Такая ситуация, подготовленная идеологами Просвещения, сложилась во Франции к 1789 г., но ее предвосхищение Мут обнаруживает и в Англии накануне Пуританской революции. Поэтому Английская революция, заключает Мут, была более великой политической революцией, чем Нидерландская, и к тому же социальной революцией, приближавшейся по своей интенсивности к начальным этапам Французской революции конца XVIII в., которая, будучи первой по настоящему зрелой социальной революцией, продвинулась в своем развитии гораздо дальше²².

В 70-х годах в связи со смещением интересов историков от структурных изменений к ценностям, обычаям, моделям поведения, проблемам соотношения массового и элитарного создания наблюдаются новые явления как в интерпретации отдельных движений XVI-XVII вв., так и в их сравнительно-историческом анализе. Эти новации проявились, в частности, в социально-психологической модели революционизации элиты, предложенной А.Л.Мут. Для американского историка Т.Рабба суть "кризиса XVII в." заключена уже не в самих изменениях во всех сферах жизни общества, а в их субъективном восприятии, в психологической реакции современников на крушение традиционных авторитетов, ценностей, представлений²³. Французский историк И.-М.Берсе в соответствии с теорией политического насилия, не делая качественных различий между революциями и восстаниями XVI-XVII вв., сосредоточивает внимание на их общих чертах, и прежде всего на ментальности их участников. Политическое насилие он считает преимущественно культурным явлением, праздничным антрактом в тяжком повседневном труде, торжеством народного понимания правосудия²⁴. Рене Пиллорже также подчеркивает роль психологического фактора, эмоционального заряда, необходимого для приведения в движение массы людей. Ослабление психологической напряженности, спонтанно возникающей на почве сложившихся экономических, политических, социальных и культурных условий или в результате искусной пропаганды, прослеживается им на четырех моделях коллективного поведения²⁵, каждая из которых может действовать изолированно. Но чаще две, три и даже все четыре соединяются в один общий процесс, развертывающийся стадийно: паника, "взрыв враждебности", "движение к нормам" (за восстановление нарушенного статус-кво), "движение в защиту ценностей" (религии, привилегий, социально-политических взглядов)²⁶.

Однако и во второй половине 70-80-х годов проблема дефиниций и типологических отличий не сходит с повестки дня. Американский историк П.Загорин посвятил этому вопросу специальную статью²⁷, а позже в двухтомной монографии предпринял развернутый сравнительно-исторический анализ западноевропейских восстаний и революций XVI-XVIII вв. - самый подробный на сегодняшний день²⁸. Что же нового он внес в решение этой проблемы? Отвергнув все имеющиеся общие социологические теории революции (в том числе, конечно, и марксистскую концепцию буржуазной революции), Загорин объявляет революцией всякую попытку насильственного изменения состава правительства или его политики, политического режима, общественного строя. Революционная природа таких насильственных действий не ставится в зависимость от того, чем они оправдываются - ссылкой на прошедшие времена или на "столь же недостижимый идеал в будущем"²⁹. В этом определении прослеживается связь с концепцией революции Ч.Джонсона, сформулированной в середине 60-х годов. Насилие выступает как определяющая характеристика революции, причем речь идет не только о реальном, но и о так называемом "символическом насилии", которое включает всякого рода поношения, подрывающие престиж правящих особ и институтов.

Придерживаясь широкого толкования термина "революция", охватывающего практически все формы и случаи коллективного политического насилия, Загорин обращается к их классификации, основанной на различиях в масштабе решаемых задач. Ощущая необходимость ограничить поле исследования, он проводит различие между революцией и мятежом, выделяя в качестве главных признаков последнего спонтанность, экспрессивность, скоротечность, ограниченность целей. Загорин рассматривает мятежи или бунты как независимые явления, которые могут происходить как в связи с революцией, так и отдельно от нее. И наконец, он выступает против деления на революции и восстания даже в такой форме, как это предлагают Р.Мунье, Дж.Эллиотт, А.Л.Мут, Р.Форстер и Дж.Грин. Попытка отличать революцию от восстания, по его мнению, заведомо несостоятельна, ибо нельзя отделять целое от части. Он также отрицает целесообразность выделения в особую категорию "великих революций", поскольку их отличия носят исключительно количественный характер³⁰.

Для конструирования различных идеальных типов революций используется комплекс критериев, который включает социальный состав участников революций, размер их действий, цели и задачи восстания и объекты насилия, формы и степень организованности повстанцев, их ментальность или идеологию.

В результате Загорин делит "революции" XVI-XVII вв. на пять типов:

1) **"заговор и переворот"**, ограниченный действиями аристократических групп (этот тип в работе не анализируется);

2) **"городское восстание"** в двух вариантах - восстание низших слоев городского населения против городской верхушки и восстание городской общины против королевской власти (в качестве конкретных примеров выступают многочисленные городские восстания во Франции, а также "восстание коммунаров" и восстание в Неаполе 1647 г.);

3) **"аграрное восстание"** крестьянства или других групп сельского населения против землевладельца или государственной власти (специально рассматривается крестьянская война в Германии, восстание Кета в Англии, а также крестьянские восстания во Франции);

4) **провинциальное или региональное восстание**, направленное против фискального или религиозного притеснения со стороны центральной власти, или сепаратистское движение за национальную независимость (иллюстрациями служат гугенотские восстания 20-х годов XVII в. во Франции, движение босоногих в Нормандии, восстание в Лангедоке в 1632 г., морисков в Гранаде, в различных графствах Англии в XVI в., в Арагоне в 1591 г., в Ирландии в XVI-XVII вв., в Каталонии, Португалии и Шотландии в середине XVII в.);

5) **революционная гражданская война**, охватывающая всю страну и все слои общества и характеризующаяся масштабностью целей, высокой степенью организованности и наиболее развитой идеологией.

Рисуя эту последнюю категорию как реакцию общества на притязания абсолютной монархии в духе Тревор-Ропера, Загорин конкретизирует ее характерные особенности на историческом материале гражданских войн во Франции в XVI в., Нидерландской и Английской революций. Фронды.

Загорин частично использует одну из социологических теорий среднего уровня, так называемую теорию относительной депривации, придающую решающее значение психологическому фактору³¹. Загорин берет за основу интерпретацию этой теории, предложенную американским политологом Т.Гуром, который применил к анализу революций наблюдения экспериментальной психологии, исследовавшей предрасположенность разочарованных в жизни людей к насилию.

Трактуя относительную депривацию как расхождение в оценках индивидуума между тем, на что он считает вправе рассчитывать, и тем, что он считает возможным добиться³², Гур различает три ее модели, учитывающие различные комбинации этих двух оценок:

1) виды на будущее остаются неизменными, а возможности убывают;

2) ожидания растут, а возможности остаются неизменными;

3) и те и другие вначале одновременно растут, а затем расходятся в разные стороны: ожидания продолжают расти, а возможности резко падают. Во всех трех случаях возникают психологические реакции (разочарование, досада, гнев и т.п.), которые могут при определенных условиях создать ситуацию, ведущую к насилию и революции³³.

Загорин считает теорию относительной депривации достаточно эффективной как для объяснения того, почему революции и движения протеста нередко происходят при благоприятных объективных условиях жизни (модели 2 и 3), так и для понимания роли обращенной в прошлое идеологии, характерной для движений XVI- XVII вв. (модель 1). Вместе с тем Загорин подчеркивает, что эта теория объясняет лишь одно из необходимых условий начала революции, в то время как в объяснении нуждаются все элементы революционного процесса.

Страницы его монографии пестрят нападка на марксизм, но его критического запала хватает и на все остальные социологические теории, претендующие на статус общей теории революции. Для идентификации предпосылок революции он, вслед за Л.Стоуном, призывает использовать самые различные частные теории и многофакторный анализ, но в конечном счете вовсе отказывается от причинного объяснения, сведя задачи компаративной истории к выявлению аналогий. "Компаративная история, - пишет Загорин, - просто предполагает, что между событиями, процессами и структурами, которые она отбирает для исследования, имеются определенные соответствия или общие и сходные черты, их выяснение и будет способствовать пониманию изучаемого явления"³⁴.

В этой формулировке задач компаративной истории как бы подводится итог ее развития к началу 80-х годов, и этот итог можно было выразить словом "революция", но не в современном его смысле, а в том значении "кругового движения с возвращением в исходную точку", в котором оно применялось в XVII в. После резкого размежевания позиций представителей "новой" и традиционной историографии в 60-х-начале 70-х годов они теперь вновь сблизились, чему способствовало не только постепенное раскрытие несостоятельности социологических теорий как подлинно научного фундамента для так называемого нового исторического синтеза, но и складывание идейно-политического консенсуса умеренно-либеральных и консервативных историков.

Эти общие для историографии конца 70-х-начала 80-х годов процессы проявились в компаративной историографии в полной мере. Общей, "родовой" чертой этих концепций является их полемическая направленность против марксистской теории классовой борьбы и методологии исследования раннебуржуазных революций, а также игнорирование стадияльных различий отдельных революций и массовых народных движений XVI-XVII вв. Зачастую разнохарактерные, разнотипные социально-политические движения группируются на основе простого совпадения на временной шкале без учета их качественной определенности, а констатация формальных аналогий подменяет анализ сущностных признаков исторических явлений. Вместе с тем, наряду с отмеченными общими моментами, существует не только множество частных оттенков в трактовке тех или иных движений и их отдельных элементов, но и целый ряд принципиальных отличий, вытекающих из специфики методологических позиций представителей традиционной и междисциплинарной историографии, а также из различий в подходах внутри последней. Если традиционные историки-компаративисты используют главным образом описание и простое рядоположение изучаемых движений, прямое их отождествление, сопоставление отдельных внешних признаков, то "новые" историки в 60- 70-е годы стали уделять первостепенное значение концептуально-методологическим вопросам: правомерности применения тех или иных понятий и категорий, проблемам типологизации и моделирования повторяющихся исторических явлений, адаптации к последним теорий и методов социологии, политологии, психологии и других наук.

Но уже в начале 80-х годов стало ясно, что ориентация на прямое заимствование теорий, методов, концепций общественных наук себя не оправдала, а попытки создать новую историческую модель успеха не имели. Несмотря на некоторые дополнения, они по сути повторяли концепцию политической революции традиционной историографии 50-х годов.

В 1986 г. Х.Кенигсбергер, в частности, констатировал, что обсуждение проблемы "кризис XVII в." зашло в тупик, так как ни одна из сконструированных до сих пор моделей не получила общего признания. Кенигсбергер вновь призвал историков отказаться от жестких всеобъемлющих социологических моделей и создавать динамические модели, учитывающие специфику различных исторических эпох. Открывая, видимо, очередной тур дискуссий, он предложил свою концепцию революций XVII в., включающую основные характеристики государственной и общественной структур, а именно, корпоративно-иерархический характер социальной организации и наличие соперничающих с монархической властью политических сил и институтов (на государственном, провинциальном и местном уровнях). Кенигсбергер отвергает все модели, исходящие из того, что нормальным состоянием общественной системы является равновесие, и подчеркивает, что как раз нестабильность, конфликтное взаимодействие постоянно меняющихся политических сил, проявляющееся в восстаниях и революциях, выступает как норма социально-политической жизни в XVII в. Это положение изменяется, по мнению Кенигсбергера, в течение второй половины XVII-первой половины XVIII в., когда реализация государственной монополии на политическую власть создала почву для великих национальных социальных революций³⁵. Нетрудно заметить, что эта концепция практически повторяет некоторые положения общего идейного фонда историографии 60-70-х годов.

Имеются, однако, и попытки найти действительно новые пути. Так, ученик выдающегося французского историка Р.Мунье Э.Барнави, позаимствовав определение революционных движений и идею о революционных партиях и их развитии у Кенигсбергера, перевел вопрос в совершенно иную плоскость. Ограничившись рассмотрением одного этого типа, он сосредоточил свое внимание не на предпосылках революций, а на внутренней логике их развертывания. Барнави считает революциями такие крупные гетерогенные по своему социальному составу восстания, которые ставили под вопрос существовавшую общественную структуру, оказывались способными временно установить новый политический и конституционный порядок и располагали соответствующими этим целям средствами, а именно программой или идеологией, организацией, вооруженными силами. По Барнави, общая логика развития революционных движений конца XV-XVII вв. обуславливалась сходством, однотипностью государственного устройства, социальной структуры.

Сопоставив сходные черты в социально-политическом и идеологическом развитии пяти таких движений (гуситских войн, мюнстерской коммуны, Нидерландской революции, Парижской лиги и Английской революции), Барнави выделил четыре фазы в их эволюции, различающиеся по социальному составу руководства и движения в целом, а также по степени радикализма выдвигающихся программ.

Итак, **первая фаза - "время зачинщиков"**, когда небольшая социально-однородная группа берет на себя инициативу, рекрутирует новых сторонников, определяет общие цели.

Вторая фаза - "время сосредоточения сил", когда движение нарастает как снежный ком, отчасти вследствие оплошностей в ответных действиях властей. Умеренная, достаточно широкая на этом этапе программа способствует вовлечению в движение представителей всех социальных слоев.

Третья фаза - "время разногласий", когда происходит радикализация основного ядра движения, которое не всегда совпадает с первоначальным, и оформление его революционной идеологии. На первый план выступает социальный вопрос, представители высших социальных слоев отходят от движения, оно начинает их пугать, а низы, почувствовав измену, прибегают все чаще к насилию.

Четвертая фаза - "время раскола", когда представители высших социальных слоев окончательно порывают с движением, развивается новый острый конфликт внутри революционного лагеря между радикалами и умеренными, причем последние, стремясь сохранить существующий социально-политический строй, присоединяются к бывшему противнику, обрекая движение на поражение. Причины неспособности революционных движений XVI-XVII вв. одержать победу Барнави видит как в особенностях общественной структуры, характеризовавшейся преобладанием вертикальных связей, так и в ментальности обращенной в прошлое³⁶. Другие типы движений, имевшие иную логику развития, он вообще не рассматривает.

В концепции Э.Барнави можно легко проследить переключку с идеей революционных партий Кенигсбергера и услышать отголоски дискуссий между Р.Мунье, Р.Мандру и советскими историками Б.Ф.Поршневым и А.Д.Люблинской о социальных отношениях и народных движениях во Франции в эпоху абсолютизма.

Новый подход к типологизации социально-политических конфликтов XVI-XVII вв., продемонстрированный Э.Барнави, несмотря на свою привлекательность и перспективность, не получил пока ни поддержки, ни продолжения.

Все же, что касается компаративной историографии революций и восстаний "начала нового времени" в целом, то в ее эволюции на протяжении последних 30 лет наряду с нереализованными возможностями имелись и немаловажные! приобретения. В рассмотренных работах можно, в частности, обнаружить постепенный отход от упрощенного понимания принципа синхронности, стремление рассматривать XVI-XVII вв. в общем контексте исторического развития. Заметно также углубление критериев типологизации с поворотом от сопоставления отдельных признаков к их комплексной идентификации. К позитивным моментам можно отнести попытки соединения структурно-функционального и социально-психологического подходов к анализу революции, а также довольно робкое, но все же имеющее место распространение на XVI-XVII вв. понятия "социальная революция", хотя бы в его ограниченном понимании. К сожалению, интересующее нас поле исследования компаративной истории не привлекло пока представителей радикально-демократического направления, с которым в настоящее время главным образом связывается прогрессивная линия развития немарксистской исторической науки.

1 Чистозвонов А.Д. О стадийно-региональном изучении буржуазных революций XVI-XVIII вв. в Европе. - Новая и новейшая история, 1973, № 2; его же. Генезис капитализма и отражение его в региональных типах крестьянских движений в Европе в XVI-XVIII вв. - Вопросы истории, 1975, № 1; Барг М.А. Сравнительно-историческое изучение буржуазных революций XVI-XVIII вв. - Вопросы истории, 1975, № 9; его же. Место XVII века в истории Европы: К вопросу о "начале нового времени". - Там же, 1985, № 3; Адо А.В. Крестьянство в европейских революциях XVI-XVIII вв. - Новая и новейшая история, 1983, № 1; Рутенбург В.И. ранние буржуазные революции: К вопросу о начале капиталистической эры в Западной Европе. - Вопросы истории, 1984, № 3; Барг М.А., Черняк Е.Б. Революции европейского масштаба в процессе перехода от феодализма к капитализму (XVI - XIX вв.). - Новая и новейшая история, 1988, № 5.

2 См., например, *Барг М.А.* Сравнительно-историческое изучение.

3 *Малов В.Н.* Был ли кризис XVII века? - Новая и новейшая история. 1985, № 5.

4 *Koenigsberger H.G.* Estates and Revolutions. Essays in Early Modern European History. Ithaca-London, 1971, p.211. Показательно, что это утверждение ничем не обосновывается и не получает никакого теоретического осмысления, оно просто принимается как само собой разумеющееся и не требующее доказательств. Таким образом, вопрос о содержании понятия "социальная революция" вообще не ставится. Аналогичным образом "решается" Кенигсбергером и вопрос о революционной природе движений середины XVII в. - См. *Koenigsberger H.G.* The Habsburgs and Europe 1516-1660. Ithaca-London, 1971.

5 *Koenigsberger H.G.* Estates and Revolutions p.211-223, 250-252.

6 *Ibid.*, p.16-18.

Л. П. РЕПИНА

7 *Elton G.R.* Reformation Europe, 1517-1559. London-Glasgow, 1963, p.274, 283; *Mullet M.A.* Radical Religious Movements in Early Modern Europe. London, 1980, p.98, etc.

8 Отдельные попытки сравнительно-исторического изучения "синхронных революций" Седина XVII в. делались еще в довоенный период. См. *Merriman R.B.* Six Contemporaneous Revolutions. Oxford, 1938.

9 *Trevor-Roper H.R.* The General Crisis of the Seventeenth Century. - Past and Present, 1959, 16; repr. in: Crisis in Europe 1560-1660. Ed. by T.Aston. London, 1965, p.59-94.

10 *Mousnier R.* Les XVI et XVII siecles. Histoire Generale des Civilisations, t.IV. Paris, 1961.

11 *Hobsbawm E.* The Crisis of the Seventeenth Century. - Past and Present, 1954, № 5-6.

12 Symposium. - Past and Present, 1960, № 18, p.8-42.

13 *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York, 1938; *Johnson Ch.* Revolution and the Social System. Stanford, 1964; *idem.* Revolutionary Change. Stanford, 1966.

14 *Stone L.* The Causes of the English Revolution 1529-1642. London, 1972.

15 *Koenigsberger H.G.* Revolutionary Conclusions. - History, v.57, 1972. № 191, p.394-398; Modern Revolutions. An Exchange. - Journal of Modern History, v.46, 1974, №1, p.99.

16 *Steensgaard N.* The Seventeenth-Century Crisis. - The General Crisis of the Seventeenth Century. Ed. by G.Parker and L.M.Smith. London, 1985, p.26-56, etc.

17 *Elliott J.* Revolution and Continuity in Early Modern Europe. - Past and Present, 1969 № 42, p.1-56.

18 *Elliott J.H.* England and Europe. A Common Madady? - The Origins of the English Civil War by C.Russell. London, 1973, p.250-252.

19 Preconditions of Revolution to Early Modern Europe. Ed. by R.Forster and J.P.Greene. Baltimore-London, 1970. p.1-17.

- 20 *Kamenka E.* The Concept of a Political Revolution. - Revolution. Ed. by C.J. Friedrich. New York. 1966.
- 21 *Koenigsberger H.G.* Revolutionary Conclusions, p. 394-398; *Моорй A.L.* The Preconditions of Revolution in Early Modern Europe: Did They Really Exist? - The General crisis of the 17th century.
- 22 *Moote A.L.* Op.cit., p.144-159.
- 23 *Rabb Th.* The Struggle for Stability in Early Modern Europe. New York, 1975.
- 24 *Berce Y.-M.* Revoles et revolutions dans l'Europe moderne (XV-XVIII siecles). Paris, 1980.
- 25 Они заимствованы из социологии, см. *Smelser, Neil.* The Theory of Collective Behaviour. London,.1962.
- 26 *Pillorget R.* Les mouvements insurrectionels de Provence entre 1596 et 1715. Paris, 1975; *idem.* The European Tradition in Movements of Insurrection. - Europe and the Rise of Capitalism. Ed. by J.Baechler, J.A.Hall and M.Mann. Oxford-New York, 1988, p.204-219.
- 27 *Zagorin P.* Prolegomena to the Comparative History of Revolution in Early Modern Europe. Comparative Studies in Society and History, v.XVIII, 1976, № 2, p.151-174.
- 28 *Zagorin P.* Rebels and Rulers 1500-1660, 2 v. Cambridge, 1982.
- 29 Ibid.,v.I,p.17.
- 30 Ibid., p.17-27.
- 31 *Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution. - American Sociological Review, v.27, 1962, № 1; *Runciman W.G.* Relative Deprivation and Social Justice. Berkeley, 1966; *Urry J.* Reference Group and the Theory of Revolution. London, 1973.
- 32 Имеется в виду не только материальное благосостояние, но и социальный статус, участие в политической жизни, развитие личности.
- 33 *Gurr T.* Why Men Rebel? Princeton (N.J.), 1970.
- 34 *Zagorin P.* Rebels and Rulers..., p.57.
- 35 *Koenigsberger H.G.* The Crisis of the Seventeenth Century. A Farewell? - *Koenigsberger H.G.* Politicians and Virtuosi. Essays in Early Modern History. London et al., 1986, p.149-168.
- 36 *Barnavi E.* Mouvements revolutionnaires dans l'Europe moderne: un modele. - Revue Historique, t.271,1984, № 549, p.47-61.